# О пользе консерватизма, или Чему обязаны?..

## Кабытов П.С. Жизнь и творчество профессора Григория Алексеевича Герасименко. Саратов: изд-во «Техно-Декор», 2016. — 136 с. ил., портр., цв. ил., портр.; ISBN 978-5-903357-86-4

**В.В. Бабашкин**

*Владимир Валентинович Бабашкин*, доктор исторических наук, профессор кафедры политико-правовых дисциплин и социальных коммуникаций Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571, Москва, проспект Вернадского, 82. E-mail: vbabashkin@ranepa.ru

DOI: 10.22394/2500-1809-2019-4-3-195-200

Есть в русском языке изящное выражение: «Чему обязан?», отсылающее к такому смыслу: чему, какому счастливому обстоятельству обязан я удовольствием видеть Вас? Применительно к теме этих заметок я бы поставил вопрос о том, чему обязаны историки, ведущие сегодня острые споры о сущности и логике Русской революции XX века? Возможностью составить при этом вразумительное представление о низовых крестьянских организациях и умонастроениях самого многочисленного сословия России на самых острых изломах той революции? Потребно ли вообще такое знание? И если да, то к каким смыслам отсылает нас оно? И к чему обязывает?

Среди достижений отечественной историографии по этой проблематике особняком стоит творчество профессора Григория Алексеевича Герасименко, чему и посвящена книга его друга и ученика известного самарского историка-аграрника П.С. Кабытова. Его талантливому перу принадлежит целая галерея портретов историков, и это — одно из тех начинаний, которые с готовностью поддерживаются его учениками и коллегами[1].

О Г.А. Герасименко он пишет не впервые. И очень хорошо, что вышло отдельное издание, на страницах которого немало свидетельств тому, что его герой вполне заслужил такое внимание. Читая книгу, понимаешь: для автора очень важна связь между личной и профессиональной, научной биографией героя. И уже этим Кабытов вольно или невольно выходит за флажки того, что на страни-

1. См.: *Кондрашин В.В.* (2014). Историки-аграрники России XX — начала XXI в.: творческий путь и международное сотрудничество: Выпуск первый. Прага.

цах своей работы по старинке именует «марксизмом-ленинизмом» (с. 56, 68, 129). В «Кратком курсе истории ВКП(б)» черным по белому записано: «Наука об истории общества, несмотря на всю сложность явлений общественной жизни, может стать такой же точной наукой, как, скажем, биология» — в известном смысле эта установка была доведена в советской историографии до абсурда. В жизни Герасименко удавалось держаться подальше от этой абсурдистики. Выходец из крестьян, что уже ко многому обязывает, учитель, военный летчик, хлебнувший лиха на Корейской войне, наконец, историк, чрезвычайно дотошный в деталях, изначально избравший объектом своего профессионального интереса низовые крестьянские организации в 1917 — первой половине 1918 года в деревнях Нижнего Поволжья, — все это вместе вступало в диалектическое противоречие с необходимостью строго придерживаться догм «научного коммунизма». Ну какая, скажем, «вторая социальная война» в деревне, если ты в деталях знаешь, что там происходило? Какие крестьянские исполнительные комитеты как органы, создаваемые «буржуазной» властью, если ты точно установил, кто, как и зачем создавал эти органы?

Но в таком подходе содержится противоядие и против аксиоматики той общественной науки, которая как-то очень уж лихорадочно спешила на смену научному коммунизму в отечественной историографии в конце 1980-х годов. Ну какие, к примеру, были перспективы «демократического» развития у страны, где «постановления сельских сходов, резолюции волостных, губернских и всероссийских собраний и съездов крестьяне рассматривали как закон»[2] (с. 77)? А ведь крестьяне — львиная доля населения страны. И, как выясняется, не пассивная, безграмотная и ведомая политическими партиями и идеологами, но вполне активно и организованно принимавшая участие в *своей* революции. Именно стремление поглубже вникнуть в вопросы крестьянских организаций во время Русской революции позволило английскому историку-социологу Т. Шанину сформулировать концепцию крестьянской революции в России 1902–1922 гг.[3], горячо поддержанную его русским коллегой и другом В.П. Даниловым[4]. Поэтому зря, я считаю, автор книги о Г.А. Герасименко сетует по поводу того, что его герою в 1970–1980-е гг. приходилось считаться с жесткими идейно-теоретическими ограничителями «марксизма-ленинизма». Чем более скрупулезно исследуются детали, тем меньше остается места для таких ограничителей. А Герасименко подробно изучал именно ту

2. *Герасименко Г.А.* (1974). Низовые крестьянские организации в 1917 — первой половине 1918 г. (на материалах Нижнего Поволжья). Саратов. С. 95.
3. См.: *Шанин Т.* (1997). Революция как момент истины. Россия 1905–1907 — 1917–1922 гг. М.
4. См.: Аграрная история XX века: историография и источники. Самара, 2014. С. 177-178, 341-347.

область социально-политической истории нашей страны, в которой скрепы вульгарного марксизма были особенно хилыми.

И в этой связи я бы не переоценивал то обстоятельство, что «его исторические взгляды, конечно же, претерпели эволюцию в 90-е годы XX и в начале XXI вв.» (с. 6). Эволюцию претерпевают взгляды любого нормального историка. Если она сводится к дальнейшему углублению в изучение фактов и факторов истории в той области, в которой ты специализируешься, к стремлению осмысливать логику их взаимодействия, такая эволюция — лучшая страховка от революции. Волны идейно-политических штормов, бушующих на поверхности, на глубине утрачивают свою разрушительную силу. Как тут не вспомнить, как совсем недавно «переобувались на бегу» многие бывшие советские обществоведы. «Г.А. Герасименко не было ни среди защитников Белого дома, ни среди тех, кто поддерживал ГКЧП, — пишет П.С. Кабытов. — Ему претили такие жесты некоторых партийных вождей, как публичный выход из КПСС. Его не было и среди тех историков, которые еще вчера рьяно отстаивали марксистско-ленинские постулаты (как директор Института военной истории генерал Волкогонов), а уже 22 августа (1991 г. — *В.Б.*) побежали в архивы с тем, чтобы найти в истории России побольше “жареных фактов”» (с. 56).

Среди предпосылок такой метаморфозы автор вспоминает пьесу М. Шатрова «Дальше... дальше... дальше!», пропагандистскую шумиху «перестроечной» прессы вокруг нее, а также статью в «Правде» Г. Герасименко в соавторстве с О. Обичкиным и Б. Поповым. «Историки — авторы статьи, — пишет он, — отмечают, что эта пьеса, “еще не поставленная ни одним театром, ...была объявлена выдающимся событием общественной жизни с претензиями, выходящими далеко за литературно-художественные рамки.” ...Авторы статьи критиковали М. Шатрова за то, что он, поставив в центр внимания пьесы вопрос о роли народных масс и личности в историческом процессе, “увел народ со сцены изображаемых им действий”. А драматичнейший момент в развитии общества представлен в пьесе как бойкая возня политиканов, “ни о чем другом, кроме собственных амбиций и своего облика в глазах будущих поколений, не думающих”. Острой критике подвергли историки автора пьесы за то, что все строительство социализма “в нашей стране представлено кабинетным спором в предельно запутанном историческом контексте, где нет ни врагов, ни союзников, ни правых, ни виноватых — есть подсудимые большевики и их судьи — белые генералы, меньшевики и эсеры”» (с. 52–53).

Кому как не историку крестьянской революции особо остро прочувствовать всю нелепость подобной историософии: народ уведен со сцены, революция представлена в виде болтовни партийных элит? А судьи кто? Да те самые меньшевики и эсеры, которые в глазах народа на съезде крестьянских и солдатских депутатов в мае 1917 года расписались в своей принципиальной неспособности

решить главный вопрос революции — земельный. А подсудимые? Большевики, т.е. единственная политическая сила в стране, оказавшаяся в состоянии дать Общекрестьянский наказ о земле в форме декрета «О земле» от имени II Всероссийского съезда Советов. Г.А. Герасименко было слишком хорошо известно, что происходило тогда в деревне, в «толще народных масс», чтобы не стать в оппозицию этой новой версии отечественной истории, явно стремившейся занять освободившееся место тоталитарной идеологии. В его исследованиях подробно описано, какие организации создавались крестьянством с целью радикального решения земельного вопроса в интересах общин. Подробно разбирая содержание его работы «Первый акт народовластия в России» (М., 1992), Кабытов резюмирует: «В монографии Г.А. Герасименко убедительно доказано, что низовые общественные исполнительные комитеты были созданы не буржуазией, не помещиками, не городскими думами и земствами, они возникли в результате правотворчества масс и сыграли видную роль в демократизации жизни страны в 1917 году» (с. 116). Они «были широко распространенной формой народовластия. Они покрыли страну густой сетью на губернском, уездном и сельском уровнях» (с. 111).

Такой взгляд на весьма важный период Русской революции, который приходится в ее славной и драматичной истории на 1917 год, вступает в явное противоречие как с научным коммунизмом «Краткого курса», так и с современным антикоммунизмом. Обе тоталитарные идеологии стремятся вывести общинно-крестьянский народ России за скобки анализа исторических событий. Первая делает это под псевдопролетарским соусом, вторая — под либерально-интеллигентским. Исследования Герасименко разоблачают этот трюк, показывая, что не пролетарии (и их партия, разумеется) и не интеллектуалы с их многочисленными партийными программами несли крестьянам демократию — институты народовластия быстро развивались в деревне в революционные годы несколько в иной логике. В монографии «Народ и власть» он с сожалением пишет, что на смену массовой историко-партийной литературе советского периода в 1990-е гг. пришли публикации эсеровских, меньшевистских, кадетских и многих других авторов: «Каждый из них откровенно преувеличивает роль и оправдывает действия своей партии и к тому же смотрит на народ как на объект истории»[5].

И здесь, наверное, будет уместно сказать несколько слов о пользе консерватизма. Дело в том, что практически все научное творчество Г.А. Герасименко прямиком выводит нас на проблематику крестьянской революции в России. А такая революция консервативна по определению. Не является ли словосочетание «консервативная революция» оксюмороном? С точки зрения вульгарного марксизма наверняка является. Определение же такой революции

5. См.: *Герасименко Г.А.* (1995). Народ и власть (1917 год). М. С. 4–5.

разработано в рамках того направления историко-социологических исследований, которое в 60-е гг. прошлого века получило в западном гуманитарном знании название *Peasant Studies*. Прежде всего это работы американца Э. Вульфа и англичанина Э. Хобсбаума. Кивок за Запад здесь необходим по той простой причине, что у нас в эпоху тотального господства «марксизма-ленинизма» подобные взгляды были совершенно исключены. Попытки сосредоточить внимание на институтах внутридеревенской демократии, связанных с общинными традициями крестьян, сталкивались с настороженностью идейно-политического руководства исторической наукой, а то и жестко пресекались[6].

Однако и в советское время такие взгляды, так или иначе, развивались в аграрной историографии, которая в лучших своих образцах не могла не воспринимать хрестоматийный консерватизм изучаемого ею общественного сословия. Первым о революции подобного типа применительно к анализу событий отечественной истории заговорил В.П. Данилов. Рассматривая смысл и суть так называемых «аграрных беспорядков» накануне тех событий, которые было принято обозначать как Первая Русская революция, он писал: «В России начиналась крестьянская революция, на фоне (и основе) которой развертывались все другие социальные и политические революции, включая Октябрьскую 1917 г. ...Крестьянская революция оставалась основой всего происходившего в стране и после Октября 1917 г. — до 1922 г. включительно. Аграрная революция в деревне и нежелание воевать крестьян, одетых в серые шинели, отдали власть большевикам. ...Крестьянская революция заставила отказаться от продовольственной разверстки, ввести нэп, признать особые интересы и права деревни»[7].

Знаю, что многие из коллег-историков, даже специализирующихся в области изучения аграрных отношений, скажут, что все это небесспорно. Так и очень хорошо. Главное, чтобы спор в историографии о крестьянской революции в России не утихал. С моей точки зрения, именно к этим смыслам отсылают исследования Г.А. Герасименко о низовых крестьянских организациях революционного периода. И знание об этом обязывает к полемике с теми, кто отстаивает расхожее ныне утверждение об отсутствии каких бы то ни было демократических начал в истории России прошедшего столетия. Поэтому считаю вышедшее из-под пера П.С. Кабытова отдельное издание о жизни и творчестве замечательного нашего соотечественника, историка Григория Алексеевича Герасименко очень нужным и своевременным.

---

6. См.: Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке (2015) / Под ред. В.В. Бабашкина. М. С. 317–324.
7. *Данилов В.П.* (1992). Аграрная реформа и аграрные революции в России // Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире. М. С. 314, 319.

## On the benefits of conservatism, or To what do we owe...? Kabytov P.S. Life and Work of Professor Grigory Alekseevich Gerasimenko. Saratov: "Tekhno-Decor" Publishing House, 2016. — 136 p.

*Vladimir V. Babashkin*, DSc (History), Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 115571, Moscow, Vernadskogo Prosp., 82. E-mail: vbabashkin@ranepa.ru